

Печник

Вечером в дом к Петровичу зашла Валентина, младшая сестра, женщина сорока пяти лет, выглядевшая постарше брата. Возраста ей прибавляли большие уставшие, грустные глаза и проседь на висках ее густых темных волос, собранных в тугие кольца на затылке. Жизнь прокатилась по ней словно катком: муж сидел в тюрьме по глупости, за стог сена, что сжег на поле местного предпринимателя Жеребцова, отомстив за неоплаченные трудодни. Однако договора на работу не было, вот и посчитали в районном суде, где работал судьей родственник «работодателя», действие самоуправством и вредительством, еще и пожар в соседнем лесу на него списали. Старший сын погиб на деляне у городских «блатных» лесозаготовителей при темных обстоятельствах — нашли придавленным лесиной, и, хотя на лице имелись побои, решили, что несчастный случай. Поэтому Петрович,

как старший брат, часто помогал ей чем мог по хозяйству, часто выручал деньгами, как не помочь, если в доме сестры иногда не было корочки хлеба. Жена Ивана не любила Вальку, так она называла ее, то ли по бабьей глупости ревновала к своему мужу, то ли по скупости своей, денег было жалко, знала, что отдавать той нечем будет. Вот и в этот раз заворчала его Евдокия и ушла в другую комнату. «Ну, баба с возу, кобыле легче» — про себя решил Петрович.

— Ну, Валентинка, рассказывай! Как дела, как работа, как сынок твой Гриша учится? — радостным голосом протянул Петрович, включив электрический чайник и расставляя на столе печенье с конфетами.

— Да Бог милует, все нормально, так в пекарне и работаю, зарплата небольшая, но нам хватает, молоко приемщикам сдаю, когда позовут, у Богатырева на ферме подрабатываю, он хоть денег не дает, но зерном или отсевом рассчитывается. Все скотину зимой подкармливать будет чем.

— Может оно и правильно, и сама при деле, и скот справнее будет. Тебе чай белить?.. Ну, а Гриша-то как? — снова поинтересовался, разливая кипяток по кружкам, Петрович.

— Забели. Так из-за него-то и пришла, совсем отбивается от рук, в школу ходить не хочет, мать не слушает, курить стал, а четвертого так вовсе пьяный пришел, всякую чушь нес, а с утра в глаза смотреть боялся... Взял бы ты его к себе в ученики? И тебе помощь... глядишь, и он делу научится. Ты ведь лучший печник на весь район, к тебе за несколько месяцев записываются...

Петрович поднял бровь от удивления, взглянул на сестру, добавил в ее кружку молока.

— Вон она значит чего. Ну, так-то оно так, у человека должно быть свое дело, иначе он будет пустой, бестолковый, да никому не интересный. А ты его-то самого спрашивала? Можя ему это и не нужно вовсе?

— Да чего спрашивать-то? Ему конечно сейчас по девкам носиться интересней, с друзьями на рыбалку, да в клуб на танцы бегать. Только он должен же понимать, что матери помогать надо... да и с тобой когда будет, мне все спокойнее, от тебя он только хорошего может набраться, кровиночка моя последняя. Печников-то в районе: раз, два и обчелся, вот уйдет ваше поколение, и печь-то сложить будет некому...

Петрович внимательно слушал сестру, плотая горячий густо заваренный листового чай, при этом с прищуром хитро улыбался. Глаза его всегда живо блестели, как у озорного ребенка. Поставив кружку после очередного глотка, он потянулся к пачке «Беломорканала», затем, выгашив папироску, продул бумажный мундштук, сплющил его пальцами обеих рук в складку гармошки, чиркнул спичку и прикурил. Белый дым косыми линиями разбрелся по прихожей.

— Вот смотрю я на тебя, Валентина, и люблюсь, красивая ты у нас баба и умная, правильная, вот только все у тебя в жизни как-то не ладится, будто Господь испытывает тебя на прочность, гнет как березу на хомут. Вроде бы и не грешила вовсе...

— Грешна я видно уже тем, что родились на свет белый.

— Хм... Ну ладно, пушай завтра придет к Сидорычу, часов в девять, я у него голландку в летней кухне собираю, посмотрю ему в глаза, ежели интерес в них увижу, возьму. Ну, а ежели нет, то насильничать не стану, пусть себя в другом деле ищет. Человек от работы должен удовольствие, ну, иль хотя б интерес иметь, иначе вся жизнь каторгой станет, да и толку от него как работника не будет.

— Да понравится ему... он у меня любознательный, и делает все очень быстро.

— Поспешность, она только собакам при ловле блох помогает. Печь сложить, — посложнее будет, чем даже в шахматы играть, это что на поле боя сражение выиграть, здесь стратегия нужна и расчет... в голове сначала все разложить по полочкам надо, на бумаге план составить, только потом можно к делу приступать... Быстро тебе...

Валентина заметила, что Петрович даже рассердился на ее слова, будто задела она его за живое, и поспешила сгладить ситуацию.

— Да ладно тебе, не обижайся, я хотела сказать, что работы он не боится и не увивливает!

— Вот это хорошо, когда человек не боится работы, глаза пусть бояться, а руки делать должны!

На том и остановились. Валентина допила свой чай с конфеткой, свернула фантик в тугой квадратик, зачем-то сунула его себе в карман и, попрощавшись, отправилась домой.

Гришка еще где-то носился. Растопив печь, она поставила полупустой бак на плиту, вода в бочке заканчивалась, поэтому ей пришлось идти на колодец. Выкрутив два раза из сруба ведро с водой, прикованное к металлическому чехлу — утяжелителю, и наполнив свои под ободки, ловко зацепила их коромыслом, накинула на плечо и направилась обратно. Набрав с печки теплой воды в полулитровую эмалированную кружку, Валентина поставила ее в подойник, накинула на плечо чистое льняное полотенце и направилась в сарай. Две коровы и бычок радостно замычали, встречая хозяйку. Хлопнула калитка, и по быстрому топотку мать сразу определила, что бежит ее Гришка.

— Ну, ты чего мам! Я же сказал, что как приду напою коров и сена дам...

— Здравствуй, сынок! Мне уж Ночку доить пора, а воды в доме нет. Я сегодня к дяде Ивану ходила, разговаривала, чтоб тебя в помощники взял, давай учись печи класть, всегда и при работе, и при деньгах будешь... поработай до армии, а после сам уже решать станешь...

— Да ладно тебе, какой из меня печник-то? Я же кирпича-то ни разу в руках не держал! — провопил Гришка, ловко насаживая сено на вилы и перекидывая его через жердевую загородку.

— Не боги горшки обжигают! Все когда-то в первый раз происходит. Ты, главное, старайся, все запоминай, слушай дядю внимательно.

Валентина села на маленькую табуреточку, помыла коровье вымя, протерла полотенцем, затем поставила кружку в сторонку и пододвинула чистый подойник. Молоко шустрými тугими струйками звонко застучало об днище посудыны.

— А когда начинать-то надо? — невольно поинтересовался Григорий.

— Завтра в девять нужно тебе к Сидоровичу в летнюю кухню прийти, там Петрович печь делает.

Утром следующего дня Гриша встал с рассветом, спать больше не хотелось. Он немного нервничал, получится ли у него, думая, что ему сразу придется класть печь. Ведь мать никак нельзя подводить, она у него теперь одна, да и он остался единственным мужиком в доме, пора за ум браться — твердо решил он. В дом зашла Валентина с полным ведром молока. Пожелав доброго утра сыну, она принялась стряпать блинчики и жарить глазунью. По дому разнеслись вкусные запахи. Григорий быстро помылся, пошаркал зубы своей старой щеткой и зашел в кухню. На столе в тарелке стояла стопка блинов, свежий творог с домашней сметаной, мед и глазунья с яркими, почти красными желтками. Быстро позавтракав, Гриш-

ка занялся хозяйскими делами: подмел во дворе, натаскал дрова, выгнал коров и почистил стайку.

Петрович месил глину с песком в большом деревянном коробе с жестяным дном лопатой, когда Гриша зашел в летнюю кухню Сидорыча.

— Здравсте, дядь Вань!

— Ну, привет, привет, коли не шутишь! — протянул Петрович. — Учиться пришел или мучиться?

— Так мать сказала, вот я и пришел, там видно будет! — сразу отрезал Гришка.

Печь была наполовину сложена, и Гриша невольно засунул свой любопытный нос внутрь строения с разными перегородками и пустотами — ходами для дыма, для него все это показалось непроходимым лабиринтом. Потянуло мокрой глиной и сыростью. Новые кирпичи, сложенные в стопки, лежали по разные стороны от бачка с водой, со стоящими в нем торцами вниз несколькими мокрыми кирпичами. На табурете лежали длинный квадратный мастерок и кельмочка — специальный печной молоточек с острым плоским хвостом. Гриша знал, что им подрубают и подбивают, выравнивая по плоскости, кирпичи. На печи стоял на ребре маленький серебристый уровень, испачканный глиной.

— И как ты, дядь Вань, все это в голове у себя держишь, куда какой кирпич-то класть?

— В важном деле, Гриша, мелочей не бывает, каждая ошибка боком встает. Вот положишь один кирпич не так, вся работа насмарку, а переделывать хуже, чем заново сложить. У людей в глазах упадешь, и себе одни проблемы, так что волей-неволей помнить будешь. Давай с тобой, паря, так договоримся: ты первое время будешь кирпичики в воде замачивать, мне подавать, глину месить, да внимательно наблюдать за процессом да вникать.

— А зачем их мочить?

— Мокрый, паря, лучше в себя глину втягивает, да и послушней становится, когда укладываешь, крути его хоть в какую сторону, подбивать легче, а высохнет печь — монолитом становится. А знаешь, сколько названий у кирпича?

— Не-а. Сколь?

— Больше тридцати!

— Ого!

— Я тебе, конечно, все перечислять не стану. Ну, про книгу, ты, конечно, слышал, тут что ее кирпичом, что его книгой величают. Что гусек, наверное, тоже, это оттого, что он такой важный для человека. А еще: железняк, процессор, пережок, половняк, шамот...

Петрович раскурил почти потухшую папироску, обкусил зубами промокший бумажный мундштук и вставил обратно, в самый уголок губ, попыхивая мелкими затыжками, чтоб та снова не затухла. Затем взял в правую руку мастерок, набрал глины из ванны в широкое десятилитровое ведро из-под импортного лака для дерева, взгромоздил его на плиту печи, встал на табурет и продолжил:

— А ты пока берешь гусек в руку, другой достаешь мокрый с бака, сухой взамен ставишь на тычок, ну, торец по-нашему. Тот, что в воде плавал, мне подаешь.

Гришка вытащил мокрый кирпич и засунул, как просили, сухой на его место. В воде с шумом и каким-то напряженным гудением заструились пузырьки. Он протянул намокший Петровичу и стал наблюдать. Дядька уложил красный брусок на угол печки и, ударив несколько раз своим молотком-кирочкой, положил уровень вдоль и поперек и, стукнув еще разок, продолжил:

— Лишних движений делать не нужно, каждый кирпичик — это четыре кило, за день так накидаешься, что к вечеру все мышцы гудят. У каждого свое место есть, а последний в ряду должен быть угловым, так нужно всегда заканчивать, чтоб вставлять легче было. Шов глины не меньше и не больше пяти миллиметров должен быть, иначе ряд по уровню не выведешь. Геометрия у кирпича никогда идеальной не бывает, это раниче, старики говорят, была, да и кирпич в несколько раз крепче. Щелей в печи быть никак не допускай, иначе в избе копоть появится. Так что ежели увидишь вдруг, где пустота образовалось, обязательно туда глину загоняй.

Гришка внимательно слушал и подавал Петровичу очередного гусика из воды. Все ему было интересно и в диковину. Иван продолжал:

— Одна рука должна быть всегда чистой, ей глину трогать нельзя, чтоб уровень и другой инструмент не марать, папироску чистую достать. Поначалу трудно к этому привыкнуть, конечно, потом сам к этому придешь.

Петрович посматривал в глаза Гришки, пытаясь уловить, что думает в этот момент племянник, понять, интересно это ему или нет. Но пока не замечал в них искорки задора. И вдруг выдал вслух:

— Може рановато еще?

— Ты про что, дядь Вань? — удивился Гришка.

— Да, это так, о своем...

В баке убывала вода, обожженная глина кирпичей как губка втягивала жидкость, и Грише приходилось постоянно переворачивать их торцы. Иногда он заглядывался за работой своего дядьки. Все движения его были отточенными, ловкими, удары молоточком короткие, точно по нужному месту, уровень почти всегда совпадал, когда тот ставил его на вставший в ряд новый красный прямоугольный брусок. Если ему нужен был коротыш, он прямо на весу срубал кусок кельмочкой одним, реже двумя ударами четко по нужному месту, и кирпич вставал как влитой. «Вот это глазомер» — удивлялся про себя Гришка. Жирная глина постоянно выпирала из щелей, когда Иван подстукивал обушком кельмочки, поэтому он то и дело проводил средним и безымянным пальцами, сложенными вместе, по соединениям, собирая лишнюю, именно в тот момент, когда, казалось, она должна была свалиться на пол, затем сбрасывал резким кивком в ведро. Печь складывалась идеально ровной, даже не верилось, что так бывает. Через несколько минут глина отдавала влагу, и кирпич уже было невозможно отодрать. «Просто чудо какое-то!» — снова удивлялся Гришка. Новые ряды быстро нарастали, стены становились одним цельным монолитом. Работа кипела.

— Ты бы принес пару ведер воды с колодца, а то скоро гусиков на ложок, это ребро кирпича класть придется.

— Ща быстро сгоняю! — протараторил племянник и, схватив ведра, выбежал наружу.

— Лоб не расшиби! — посмеялся вслед Петрович.

Притащив воду, Григорий вылил в бак и сразу подал очередной кирпич дядьке.

— Ну, ты, паря, меня загнал уже, перекурить не мешало бы. Это ты молодой да юркий, а мне-то скоро уж шестой десяток стукнет.

Иван спустился с табурета, помыл руки в ведре, достал из сумки большой термос и, раскрутив его крышку, разъединил ее на две кружки и налил в них крепкого чая, затем вынул из сумки два пакета с печеньем и карамельками, и жестом пригласил Гришку. Тот, приняв угощение, спросил:

— Как же все это у тебя, дядька, ловко получается?

— Поработаешь лет десять, и у тебя все будет получаться. Главное желание, если человек хочет чего добиться по-настоящему, он обязательно это сделает. Вот японцы как делают свои машины, да и другую технику? Можно всю жизнь пользоваться, ежели, конечно, аккуратно. Поставили себе задачу эти черти узкоглазые стать лучшими, вот и стали. Так и ты должен себе такую задачу поставить быть первым и стремиться к этому. Когда нет стремления в жизни достичь вершины, человек сразу опускать руки начинает, делать ничего не хочет, часто от этого винном свою внутреннюю пустоту заливает. Жизнь наша тоже, как печь, состоит из кирпичиков, сложишь один не так, она тебе тепла давать не будет. У тебя, паря, сейчас все впереди, только завидовать можно.

— Чему это? Вот вашему мастерству можно...

— Э-эх, Гриха, ты вот до моих годков доживешь и добиться всего можешь, впереди открытые моря и океаны всего нового, а вот мне, старой шаланде, уже этого не дано.

— Да ладно тебе, дядя Ваня, ты у нас еще мужик хоть куда.

Петрович усмехнулся и закурил папиросу.

— Валентина говорит, ты курить начал?

— Да, я так, балуюсь...

— Ну, ежели хочется, закуривай, — предложил Иван и положил на стол папиросы.

— Не, спасибо! — застеснялся Гриша.

— Ну как знаешь, дело это для здоровья, честно говоря, не очень хорошее, так что если можешь не курить, то лучше и не привыкай...

Печь уже заканчивалась, и Петрович перебрался с табурета на стол, застелив его толстой полиэтиленовой пленкой. Выведя трубу до разделки, он начал делать расширение на трубе.

— Вот смотри, Григорий, как делается распушка, это расширение в разделке, главное не вставлять вставки сбоку, иначе когда-нибудь вывалятся, по центру ставь.

— А для чего она делается? Это чтоб кирпич не мог сильно нагреваться, и двойной шов глины был, — пожарная безопасность, паря!

Перебравшись на чердак, Иван встал на колени и доделал распушку. Затем, поднявшись, предложил Грише, уже натаскавшему кирпичей, дальше класть трубу самому. Тот, волнуясь, взял в руки кирпич и, намазав его слоем глины, постоянно поглядывая на дядю, ища в его глазах одобрение, робко поставил его в угол. Затем, заметив, что тот встал не ровно, стал быстро выправлять его молоточком.

— Не торопись, Гриш... не спеши, — посоветовал дядька. — Вот, видишь, уровень показывает завал вправо и вниз? Куда нужно стукнуть?

И Григорий показал точку, куда, по его мнению, нужно было вдарить.

— Правильно... удар делать надо не резкий, а то гусек можешь расколоть, или завалишь на другую сторону.

Гриша закончил ряд. Петрович, посмотрев в его глаза, вдруг обнаружил ту искорку радости и удовольствия, что так долго искал в них. «Однако будет с него толк, хватает все на лету, — подумалось ему. — Теперь главное чтоб азарт не потерялся...».

— Ты тут клади дальше, а я пойду, цементный раствор сделаю. С крыши, выдру, шейку и оголовок надо на него класть, на глину нежелательно, ее дождями с годами вымоет...

Когда Петрович вернулся, Гриша вывел трубу почти до шифера крыши. «Ай, молодец, пусть чуть кривовато, на чердаке-то не страшно», — подумал он.

— Ну, молодец, швы плотные без провалов, — решил похвалить парня Петрович.

Гришка светился от радости, ему стало нравиться это дело, да и с дядькой быть было очень интересно. На душе у него стало трепетно и светло. Затем они перебрались по приставленной лестнице на крышу, Гришка поднимал ведрами вымоченный кирпич, Петрович, стоя на лестнице, вывел трубу, сделал так называемую выдру — напуск кирпича для отвода осадков, шейку и оголовок. Затем установил металлический козырек, накинул на него заранее скрученную двойную проволоку по периметру и стянул на скрутку. После чего, перекрестившись и трижды, столько же сплюнув через левое плечо, спустился вниз.

— Теперь, паря, пошли печь отмывать!

— А это еще зачем? — удивился Григорий.

— Как это зачем... мы продукт сделали, так должны ж его в товарный вид привести...

— М-м, понятно, — пробубнил Гришка.

Петрович достал из сумки широкий шпатель с ручкой и протянул его племяннику. Оттуда же вынул толстую и большую губку.

— Будешь им глину, выступающую из швов, обрезать.

Сам взял ведро, добавил в него кипятку и стал отмывать голландку сверху вниз, Гришка еле попевал сшибать куски глины. Печь стала еще ровней и более блестящей. «Красивая, как пасхальное яйцо», — подумал про себя Гриша. В кухню зашел Сидорыч — старичок небольшого роста, лет семидесяти, с тарелкой закуски и поллитрой коньяка. В деревне знали все, что Петрович выпивал только армянский коньяк, только три рюмки и только после завершения своей работы, кто-то его даже Черчиллем за это прозвал.

— Ну как всегда, печка на загляденье! — протянул дедок нараспев.

— А как еще, — фирма веников не вяжет, — парировал Петрович.

Он смял несколько газет, полностью открыл поддувало и дверцу печки, засунул туда бумагу и прожег «пробку», затем нащипал лучин и сложил их на горящую бумагу. В топке весело затрещало и загудело. Сидорыч налил две больших рюмки коньяка и, протянув одну Петровичу, взял свою, и радостным голосом затянул речь:

— Ну, дым пустили, теперь надо и за мастера выпить! Спасибо тебе, Иван Петрович, за работу твою, за умение! Во всем районе тебя уважают, знают, что твоя работа самая качественная и красивая!

Опрокинул в себя рюмку, занюхал колбасой и продолжил:

— Здоровья тебе и близким твоим да счастья!

— Ну, спасибо Сидорыч, и тебе не хворать! — ответил Петрович, и отпил половинку рюмки, затем чуть брызнул на плиту голландки и мелкими глотками допил остальное, закусив колбаской.

— Теперича кому будешь делать? — поинтересовался хитроватый дедок и, достав из-за пазухи на несколько раз пересчитанные дома деньги, протянул печнику купюры, сложенные вдвое.

— Есть у меня тут ответственная работа, Богатырев — фермер — просит ему русскую печь сложить в его новом доме, настоящую, с полатами, самоварником, еще и изразцами фасад надо обложить.

— Ух ты, так это ж цельное дело, поди недели две такую класть-то надо?

— Да у меня ж теперь помощник есть — Гриша, думаю, за неделю уложимся.

— Ну и ну, паря дает! У него домище-то видный, три моих будя.

— Вот и правильно, что в такой дом хочет поставить печь настоящую... — от- ветил Иван, и не пересчитывая сунул деньги в карман.

— Ну, давай еще закрепим, — снова лукаво протянул Сидорыч.

На дворе был теплый майский вечер, пахло цветом ароматной черемухи и душистой липы. Молодую сочную траву бойко, казалось даже с какой-то злобой, дергали коровы и овцы, возвращавшиеся с выгулов по домам, наскучавшие по ней за долгую зиму. Выйдя от Сидорыча с полными сумками, набитыми инстру- ментом, и большими ведрами, Иван вспомнил, что он собирался зайти к фермеру, посмотреть, как тот сделал фундамент, проверить количество и качество кирпича, глины с песком.

— Пойдем, Григорий, зайдем к Богатырю, надо б взглянуть как там дела, всё ль готово для работы.

— Хорошо, дядь Вань, раз надо.

Гришке было страшно интересно зайти в новый дом местного «олигарха», как про себя звали его все деревенские пацаны, за то что у того было больше всех всякой добротной техники, комбайны, несколько своих полей и своя ферма с боль- шим поголовьем дойных коров, еще и на «Ленд Крузере» разъезжал. Хозяина не оказалось дома, но приветливая молодая жена с маленьким ребенком на руках сказала, что тот должен подъехать с минуты на минуту, и пригласила пройти в новую избу. В огромном строении, срубленном в старорусском стиле из кондовых сосновых бревен в охряпку, пахло смолевой стружкой и мхом. По центру стоял уже готовый фундамент, еще в опалубке, но уже побелевший, а значит готовый к строительству. По бокам, на расстеленном толстом целлофане поверх полов из добротных строганных плах, лежали две большие горки глины и песка. Петрович взял горсть глины и стал ее мять, сжимая в кулаке, затем растер между пальцами, понюхал.

— С карьера у реки брали, глина толковая, — наконец вынес свой вердикт он.

— Точно, у реки, — подтвердила молодая симпатичная женщина.

Гришка удивился про себя: «Это ж надо же так определить, в округе столь- ко глины!». В запахнувшуюся дверь зашел высокий, крепко сложенный хозяин, «косая сажень в плечах», русоволосый, похожий на былинного витязя.

— Здравствуйте, Иван Петрович! — протягивая огромную руку, доброжела- тельным голосом произнес он.

— Привет, Федя! Это Гриша, будет моим помощником. Глина хорошая, и пе- сок что надо, даже просеивать не придется, молодец! Ну, а скажи, сколь арматуры положили в фундамент, и каким диаметром? — хитро прищурившись, спросил Петрович.

— Так, ты десятку говорил, а я с двенадцатой для верности две сетки сварил! Я ж для себя делаю...

— Все верно, фундамент должен быть крепким, надежным и правильным, это как основа для государства — ее конституция и строй... Я, между прочим, всегда русскую печь с нашей родиной отождествляю, она ж в каждой избе была, всех согревала, кормила, хлеб пекла и лечила даже. Вот так и сейчас на Руси нашей должно быть все сложено, как в большой русской печи — чтоб в каждом углу теп- ло было, чтоб на плите всегда вкусный борщ стоял, и чтоб уверенность была, что

и у наших внуков все так же будет. Вот тогда-то все наши бывшие республики не в Европу, а к нам назад проситься станут. А то устроили себе, понимаешь, камин Англицкий, вот и тепло тока тем, кто у огня сидит.

— Это ты, Петрович, правильно сказал, я тоже так считаю, поэтому и решил русскую поставить!

Пусть многовато места занимает, зато всем и всегда тепло будет. А и в старости кости погреть можно будет...

— У тебя посудина большая есть — глину замочить? — поубавив пыл, уже спокойно спросил Иван.

— Найдем! — не раздумывая ответил фермер.

Он вышел, и через пару минут принес со двора большой пластиковый короб, литров на двести.

— Такой пойдет?

— В самый раз. Глину за день замачивать нужно, она распаренная послушной становится, с песком легче сбивать.

Гришка, шустро схватив совковую лопату, начал засыпать в короб глину, чтоб не показаться крутому фермеру нерасторопным, зачерпывал полный совок, и мигом забросал две трети короба.

— Вот, и достаточно, — остановил его Петрович и стал заливать водой, черпая ведрами из бочки.

— Когда приступать будете? — поинтересовался хозяин.

— Так завтра и начнем, я тут с новым напарничком у Сидорыча на день раньше закончил...

Гришка не смог сдержать радость на своем лице от слов дядьки, в его душе домкратом распирала гордость, отчего по лицу расплылась широкая улыбка. Иван заметил это и подмигнул племяннику.

— Инструмент свой я у вас оставляю, чего таскать-то туда-сюда.

Прощаясь с Григорием, Петрович достал деньги из кармана и протянул ему тысячу. У Гришки расширились глаза, таких денег получить он никак не ожидал. По его лицу читался вопрос — за что?

— Будем считать, что это аванец, за старание. Запомни: у настоящего мужика всегда деньги должны в кармане водиться, иначе грош цена ему будет, когда вместо их дырка от бублика. Бабы любят веселых, да вот только под венец идут с богатыми.

Вечером к Ивану снова прибежала Валентина. На лице ее явно вырисовывалось беспокойство и надежда.

— Что, поинтересоваться прибежала?

— Ну-у?! Не тяни...

— Есть у пари задатки, может чего доброго и выйдет.

— Слава богу! — перекрестившись, выдохнула Валентина.

— Скажу тебе честно, я вот своих двоих вырастил, а ведь так и не смог достучаться до них, что не стоит повторять ошибок родительских. Ведь слушая-то можно столь в жизни углов обойти, не стукнувшись лбом-то. А нет, упертые, все по-своему, иногда казалось, что все назло мне делают. Жалею, что не смог я им свой опыт передать, больше времени уделять. Все себе отговорку делал: ведь я же вкальваю, деньги зарабатываю, их кормлю, они, мол, потом, вырастут и поймут все. Вот и выросли, — не позвонят, не напишут! Нет, не одними деньгами жизнь измеряется! Больше родным надо времени уделять. Нрав свой не нужно показы-

вать, просто любить. Дети любовь, как и кошки с собаками, сразу понимают, отвечают взаимностью.

— Да ладно тебе, Вань! Ты чё это сегодня, захворал что ли?

— Видно, с Гришей общаясь, душу взбередил...

— Ну, ты это брось, таких красавцев воспитал, у обоих, вон, квартиры в городе, работа хорошая.

— Ладно, замнем... завтра вот с Гришей печь русскую начнем, большое дело!

— Ой, да он мне уже все уши прожужжал: дядя Ваня это, дядя Ваня то!

— Ну, тогда значит, не сбежит. Пока впитывает все как губка, старается!

Когда ушла Валентина, Петрович долго сидел на кухне с распахнутым настежь окном, курил одну за другой папиросы, о чем-то горестно вздыхал, иногда разводил руками. Евдокия украдкой поглядывала на него, но помалкивала, зная, что успокаивать будет только себе дороже. Такой уж характер был у ее мужа. Когда совсем стемнело, Петрович включил свет, достал общую тетрадь, где у него хранились чертежи его бывших изделий на разных листках в клеточку, частично уже пожелтевших от времени. Листая их, словно страницы старого фотоальбома, он улыбался, вспоминая свои печи и множество домов, где пользуются ими, где его работа дает людям тепло, без которого невозможно выжить в сибирской глубинке. «Не зря все-таки, получается, свою жизнь-то я прожил!» — успокоил он себя. Наконец-то нашелся нужный ему листочек, старый, потрепанный, местами измазанный глиной. Трепетно взяв его в руки, он внимательно взгляделся в чертеж и с теплотой вспомнил свою первую русскую печь. В его припухших пальцах и больших натруженных ладонях, покрытых глубокими трещинами, забитыми не отмывающейся глиной, бумага легонько дрожала, передавая его внутренний трепет. Кажется, это было так давно, что прошла целая вечность, но все помнилось до мелочей. Как тогда-то, в доме, где собирал печь, он познакомился со своей супругой, как каждый раз переживал, что вдруг его расчет будет не верным, и печь не получится. Жизнь, как же ты быстротечна, как хочется кое-что подправить, но уже ничего не повернуть, — не текут реки в гору, не взойдет солнце на западе, как и не сможет опуститься на востоке.

Петрович, чиркнув спичку, снова закурил папиросу, и стал обдумывать, как сложить новую печь, чтоб и тепло и удобно фермеру было. Уважал он толковых мужиков, тех, кто своей головой и руками, а не на чужих спинах, дело делал, по нынешним временам так особенно, вот и хотелось ему как-то по-своему уважить. Просто русскую, даже «теплушку» с плитой, делать ему не хотелось, могло не хватить тепла, дом-то огромный. И задумал он сделать «два в одном» — соединить две печи вместе, с двумя топками и сложной системой ходов. Размера фундамента по его расчетам хватало. Уже далеко за полночь, закончив свои чертежи, он положил тетрадь на место и с чувством выполненного долга отправился спать.

С утра от Богатырева Петрович получил одобрение своей задумке и с легким сердцем приступил к работе. Гришка взбивал глину с песком, а он, расстелив рубероид на фундамент, разметил углы печи, проверил, чтоб сошлись диагонали. Затем работа закипела, когда он уставал, Григорий под его строгим контролем менял его, вставая на кладку. Чудо-печь была готова через неделю, еще два дня ушло на отделку изразцами, которые фермеру делали по спецзаказу на заводе. Русская печь вышла на загляденье, по деревне сразу поползли слухи, и некоторые сельчане, не сдерживая своего любопытства, приходили поглазеть на новое произведение Петровича прямо как на картину...

В день, когда Гриша уходил в армию, перед военкомовским «пазиком» у здания сельской администрации скопилась куча провожающего народа: родители, подружки новобранцев, близкие родственники, одноклассники, просто зеваки. Громко звучала музыка, кто-то выпивал «на коня», расстелив скатерть на капоте машины и расставив на ней разносолы, заиграла гармошка. Григорий, прижав к плечу мать, долго шарил глазами в толпе, но никак не мог найти кого искал.

— Да придет твой дядя Ваня, раз обещал, — успокаивала мать, — не переживай ты так...

Наконец он увидел, как из проулка вынырнула знакомая фигура и бодро зашагала в сторону толпы. Гришка впервые за день улыбнулся. С души его будто камень в пропасть свалился, — так стало легко и свободно...

— Ну, что я тебе говорила? Как же он пельмеша-то своего не проводит, — сразу сообщила мать.

— Привет, Гриша, сестренка! — протараторил запыхавшийся Петрович. — Вижу, вижу, что готов мужик родине долг отдать! Говорят, в погранвойска направляют? Так ты это... помни там, что Россия матушка не из одной Москвы состоит, еще города и деревни малые от Калининграда до Петропавловска-на-Камчатке есть, ну, и леса, горы да реки бескрайние. Ты не столицу идешь защищать, а нас с Валентиной, деревенских мужиков да баб. Так что давай, служи честно, да помни, что в любом деле быть первым надо...

Байкал ошибок не прощает

Уже даже и не припомню точно, как я познакомился с Эдькой, врезалось в память только мое первое впечатление, а оно у меня обычно бывает верным и подтверждается временем. Сразу было видно, что парень порядочный, веселый и неглупый, а самое главное не жадный, об оплате за работу сказал: «Заплатишь, сколько посчитаешь нужным». Но была заметна в нем бесшабашность. Эдик работал электриком в деревне, где я строил себе дом на берегу Байкала. Мне тогда нужно было поставить счетчик и подключить электричество от новой линии.

После работы, немного поболтав о том о сем, я решил угостить его хорошим куском мяса от недавно добытого сохатого.

— Так ты фартовый охотник значит? — с улыбочкой заметил он.

— Да, тьфу-тьфу, грех жаловаться...

— Тогда мы вроде как коллеги...

Я протянул ему деньги, но он наотрез отказался, указав глазами на пакет с мясом, и сказал, что этого вполне достаточно. Положив мешок в люльку своего синенького «Урала», он ударил ногой по кик-стартеру. Мотоцикл, к моему удивлению, заурчал с полоборота. Запрыгнув в седло своего «коня», Эдька умчался дальше по своим делам. Я иногда пользовался его услугами, а он с удовольствием исполнял мои заказы. По национальности он был сойотом, эта малая народность ближе к монголам, чем к бурятам, населяет Восточные Саяны в Окинском и Тункинском районах Бурятии. Скорее всего, была у Эдика где-то еще и славянская кровь, так как лицо у него было продолговатым, вытянутым, нос прямым и выдающимся вперед, хотя глаза были узкими. Мне тогда даже показалось, что он больше походил на татарина, однако сам он считал себя бурятом. Хорошо говорил на бурятском языке, так как его второй, приемный отец, был чистых бурятских

кровей, ну и младшие братья и другие родственники с их стороны соответственно тоже. Была у него одна слабость — любил погулять с друзьями, рыбаками-охотниками. Приезжие городские часто пользовались его гостеприимством. Понаедут кагалом с водкой, сетями, карабинами, напьются, попадают на матрасы надувные, и до охоты с рыбалкой чаще всего дела и не доходило, а хозяин со своею Аленой потом бардак несколько дней разгребает.

Решил я себе по случаю новый мотор «Ямаху»-тридцатку прикупить, потом, думаю, и катерок «Прогресс 4» или «Казанку 2м» под него приобрету, на рыбалку-охоту буду подальше по Байкалу ездить, не станет в моем холодильнике рыба да мясо переводиться... Цена была, конечно, по тому времени огромной, почти сто тысяч, как подержанная иномарка-малолитражка. Но зато «Ямаха» надежная, как наш «Калаш». На своей безопасности экономить не надо, решил я, — Байкал ошибок не прощает... Привез в свой дом в заводской упаковке, сверху картонная коробка, перетянутая капроновыми ремешками, внутри пенопластовый чехол из двух половин. Сразу Эдьке позвонил, похвастаться, ну, и позвал его на «смотрины». Сам я тогда еще на моторе не хаживал, учиться только собирался. Он быстренько подскочил, распечатали мы коробку, вытащили чудо-технику, колпак сняли, а под ним — «муха не сидела»: все узлы и соединения в смазочке светло-желтенькой, японской... болтики серебристые на солнце заблестели, краска темный металлик переливается... Смотрю, у Эдика глаза загорелись... «А поехали, — говорит он, — на моей лодке на нерповку, у меня и разрешение официальное на отстрел имеется». Ну, а чего бы и не скататься, решил я, так и ударили по рукам. Только для начала нужно было обкатать мотор, что договорились завтра с утречка и сделать, а заодно сетку бросить на банке омулевой, а уж послезавтра и на охоту рвануть.

Был конец апреля, лед только-только сорвало, но еще гоняло по Байкалу большими пластинами, а на его краях обычно отдыхала нерпа, к которой, как говорил Эдик, можно подъехать на малом ходу на расстояние верного выстрела. Для начала решили часа два погонять мотор на нейтралке. Привез я мотор на рейд, где стояла Эдькина «Казанка-5М», вытащили его из багажника, стали прикручивать к транцу. У этой лодки он стоит не на самой корме, а отдельно: немного выдвинут назад на отдельной раме.

— Что-то, Эдик, транец у тебя не внушает доверия, — подметил я, увидав глубокие трещины в фанере и гниловатые доски между ней.

— Да нормальный, десять лет пробегал и еще столько же протянет, — отмахнулся он.

Пока молотила «Ямаха», я сгонял к себе домой, нашел тросик, правда всего на четыре миллиметра: на всякий, решил страхануть им мотор, привязав к лодке. После холостой работы поехали на банку, постепенно прибавляя обороты, как в инструкции было прописано. Мотор работал как часы, тукал себе тихонечко, на редан (глиссер катера) без всякого усилья вывел. День был хороший, Байкал спокойный. За румпель поначалу Эдька сел, я впереди на лавке, смотрю, лицо у него, как у кота, объевшегося сметаны, — довольнучее. Ну, и у меня грудь от гордости расперло. Сеть бросили на глубину двести махов, потом сел я, прокатился еще дальше, к обеду вернулись на рейд.

— Вот и полбака сожгли, завтра можно и полный газ попробовать дать, — важно заключил Эдик.

— Главное чтоб погода не подвела!

— С утра глянем, в плохую, конечно же, не поедем.

Встал я рано, почистил карабин, приготовил патроны, бинокль, собрал нужные вещи, продукты, залил полуторалитровый термос кипятком, сверху бросил заварки с сахаром. Сложил все в станкач и набрал Эдьку.

— Ну что, едем?

— Байкал с волной, но не большой, беляков нет, думаю, скоро стихнет. Давай, подсказывай...

Я загрузил весь бутор, запасную канистру с бензином к себе в машину и подьехал к его дому. Эдик вытащил аж целых два пропиленовых мешка вещей. Я не стал расспрашивать, чего он насобирали, но про себя, конечно, усмехнулся. Выехали часов в девять, Эдька за мотором. Волна не успокаивалась, но и не нарастала. Мы добрались до первых льдин, и стали рассматривать их в бинокли, однако нерпы нигде не было видно.

— Вылезет... — уверял меня напарник.

— Да я не переживаю, охота тем и интересна, что не тир и не бойня, и чтоб добыть, надо пошариться, побегать, сопки поломать...

— Не все это понимают, к сожалению, — с огорчением заметил он.

Мы решили перейти ближе к берегу, где болтались отдельные льдины. Надеюсь на то, что, может, нерпа сместилась туда за рыбой. Постепенно стал нарастать вал. Я заметил, что через определенное количество волн шла очень большая, перед ней Эдик сбрасывал газ. Потом стал высчитывать, и к моему удивлению, это был «девятый вал», как в настоящем море. Вдруг, на одном из таких валов, почувствовался удар, треск, лодка дернулась, в ту же секунду я понял, что транец лопнул и ушел вместе с моим новым мотором в воду. Повернувшись, я увидел насмерть перепуганное лицо Эдика, подскочив к корме, я схватился за натянутый как струна тросик, слава богу, на нем висела заглухнувшая «Ямаха». Нам повезло, что транец этой лодки вынесен за корму, иначе вода хлынула бы в лодку. Поднатужившись, я подтянул ее к себе и ухватился за рамку крепления.

— Помогай, — процедил сквозь зубы я.

— Держи, держи, — вторил Эдька, и мы вытянули мотор в лодку.

— Блин, говорил же тебе, транец у тебя совсем хреновый! — забухтел я.

— Ну, «Вихрь» же мой таскал, и ничё... — оправдывался тот.

— Ты же знаешь — Байкал ошибок не прощает! Сколь народу забрал! — продолжал бурчать я.

Хорошо, что на его руку был прицеплен специальный красный шнур с выдерживающейся заглушкой, напоминающий телефонный провод, придуманный японцами, и если водитель по какой-либо причине снимал руку с рукоятки газа, заглушка вылетала, мотор моментально глох. Открыв колпак и выкрутив свечи, мы обнаружили на них по несколько капель воды, и, продув и немного просушив их, закрутили обратно.

— В редуктор вода могла попасть? — поинтересовался я.

— А как она туда попадет? — мудрено ответил вопросом на вопрос Эдик.

Приторочили транец на место, стянув его половинки веревками, которых у хозяина лодки оказалось в достатке, а для страховки мы еще прихватили его и к алюминиевой раме лодки. Наконец, Эдька дернул ручку стартера, сердце мое на миг застыло... но, о чудо... — мотор заурчал! Мы потихоньку тронулись к берегу, где в затишке в пади стояло зимовье. У избушки стоял катер «Ярославец», навстречу вышли два человека, это были отец и сын Трусковы.

— Ну, здорово, охотнички, — вкрадчивым голосом протянул Павел Дмитриевич, заметивший карабин в лодке.

— Чё, как охота? — поинтересовался его сын Виктор.

— Да никак... пасмурно, пока не вылезит. Может распогодит? — протянул Эдик.

— У вас проволоки толстой нет? — поинтересовался я. — Транец у Эдьки не выдержал импортного мотора, чуть не утопили...

— Транец? Ну, вы даете! Так давайте, я вас до поселка утараню... дома сделайте, кого тут отремонтируешь? — с усмешкой ответил Трусков-старший.

— Да сами дойдем! — отмахнулся Эдик.

— Проволоку-то найдем, но я бы на вашем месте рисковать не стал... Какую надо-то? — протянул Витя.

— Чем толще, тем лучше! Стяжку сделаем, будет как новый! — протараторил Эдька.

— Ну-ну! — загадочно улыбаясь, вставил Павел Дмитриевич и послал в машинное отделение сына.

Через пару минут Витя вернулся с куском толстой проволоки, скрученной в большое кольцо.

— Восьмерка, хватит? — поинтересовался он.

— В самый раз! — отчеканил довольный Эдик.

— Ну, мы тогда пошли! — объявил Трусков-старший, и направился в рубку.

— Может правда с ними? — спросил я Эдьку.

— Домой-то мы и сами дойдем, сейчас сделаем, не переживай!

Эдик снял мотор, размотал веревки, и принялся стягивать половинки транца, натягивая кольца проволоки через продернутые в петли крепкие сучки-скрутки. С виду получалось довольно надежно. Он поставил и притянул мотор на место, подергал за него, транец не шевелился. За это время я сварил чай, мы быстро перекусили. Из-за туч появилось солнце, сразу потеплело.

— Вот сейчас-то нерпа и вылезит погреться... — нараспев протянул напарничек, хитро улыбаясь.

— Типа — давай еще судьбу испытаем?

— Да чё ее испытывать, давно уже все и так проверено! Не повезет в начале — повезет в конце... Давай до Песчанки прокатимся, там нерпы всегда навалом.

Я на миг задумался. Меня охватили глубокие сомнения, может это все же был знак свыше, — спрашивал себя я. Но другая половина уверенно отвечала: «Не-е, на охоте нельзя ни в чем сомневаться и ничего бояться, иначе фарта не будет!»

— Ладно, давай прокатимся еще немного, не будет, сразу повернем домой.

Довольный Эдька, собрав вещи, оттолкнул лодку, и мы отправились дальше. Однако, добравшись до первых льдин, мы снова не обнаружили ластоногих. Но азарт затмевал разум и делал свое дело — мы решили доехать до следующих льдин, затем еще до одних, так и оказались в Песчанке. Рядом с берегом льда не было, льдины виднелись километрах в десяти в сторону противоположного берега. Мы переглянулись.

— Ну, раз уже приехали, давай глянем, — ответил я на вопросительный взгляд Эдика.

Он повернул лодку ко льдам. Примерно на полпути я заметил, что все вокруг потемнело, и оглянулся назад. С Приморского хребта спускались черные тучи, быстро надвигаясь на Песчанку. Своим нутром я почувствовал что-то неладное

и сразу окликнул Эдьку. Он повернулся, и тут я впервые в жизни увидел, как узкие глаза сойота вмиг стали абсолютно круглыми, большими и напуганными. Момента́льно налетел шквальный ветер, подняв вал, внутрь катера понесло крупные брызги воды с желтой-песочной пеной. Эдик стал разворачивать «Казанку» и, завершив круг, зачем-то на таком огромном валу дал полный газ. Лодка ударилась об него носом раз, второй, а на третьем послышался щелчок... нос «Казанки» взмыл вверх, словно необъезженный мустанг, его стало задира́ть ветром дальше, казалось, что сейчас лодка опрокинется назад, я схватился за бардачок, переместив вес вперед, и она шлепнулась на исходное место, но я не слышал больше мотора... Так и есть — транец снова оторвало. Это конец — промелькнуло в моей голове. Я никогда не поддавался панике, и много раз бывал в таких ситуациях, когда находился на волосок от смерти, но теперь я был уверен, что уже ничего не зависело от меня, и я стал тупо смотреть на Эдика, разводящего руками в стороны, а потом горестно обхватившего ими голову. Ветер был настолько сильным, что казалось, лодку сейчас снова поднимет и перевернет, как щепку. Она быстро наполнялась водой от крупных брызг, несущихся ветром и перехлестывающих борта волн. Стала грузнуть, и уже была вероятность, что через пару волн она пойдет ко дну. Я понимал, что налетела Горняшка, или Горный байкальский ветер, ученые зовут — северо-запад, а на Малом Море величают Сармой. Это самый коварный и беспощадный ветер, от которого заставлено могилками и табличками все побережье Байкала, в поминание безвременно ушедшим в самую глубокую впадину, наполненную ледяной водой. Неожиданно для самого себя я вдруг взмолился: «Господи, как же быстро промелькнула жизнь, как мало я успел сделать. Прости, что я так мало уделял времени детям, что я постоянно куда-то мчался, чтобы заработать, пытаюсь сделать жизнь лучше. Что недостаточно хорошо относился к своим родным и близким, что мало вижу мать, что пил и курил, грешил. Дай мне еще один шанс, чтоб поднять детей, я исправлюсь, брошу все вредные привычки! Жить буду правильно! Ведь жизнь дается для чего-то большего?!»

— Чего сидишь, руки опустил? — вдруг прервал мои мысли Эдька, он, первым придя в себя, схватил ведро и начал быстро отчерпывать воду. — Еще ведь не утонули, бороться надо!

— Если есть шанс, давай! — воинственно провопил я.

И тут я отчетливо понял, что надо ставить весла и во всю мощь грести к берегу, иначе лодку затащит в ледяную кашу, а там ее перетрет, как кусок сала в мясорубке. Мало того, что вся моя одежда была мокрой, в этот момент явилось ужасное чувство, что внутри я полон воды, как утопленник. Вода стояла в горле, желудке, ноздрях, глазах, и даже, казалось, отрыгивалось водой. Вставив весла в уключины, я повернул нос катера по ветру и начал грести, сколько было сил. Когда я выбивался из сил, мы менялись, и воду черпал я, лодка же наполнялась с невероятной быстротой, и останавливаться было нельзя. Когда порывы ветра уменьшались, мы удалялись ото льда, когда же увеличивались, мы снова к нему приближались. Примерно через час порывы стали стихать, и появилась надежда на спасение, но тут же они налетели с новой, непостижимой мощью, и лодка в момент снова наполнялась водой. Еще три часа мы, как на качелях, то отрывались от ледяного поля, то приближались к нему, балансируя между смертью и жизнью, болтаясь на волнах, как ненужный топляк, оторвавшийся от плота, тащившегося за буксировщиком. Самое обидное для меня было то, что, если лодка уйдет под воду, невозможно будет выплыть, хотя я и был хорошо обучен плаванию, но в

ледяной воде не продержаться и десяти минут, а Эдька, как оказалось, так вообще не умел барахтаться, даже по-собачьи... «Мля...! Ну дал же Бог тебе знак! Дурак, послушал этого балбеса, ему-то чего — ни флага ни Родины!» — материл себя я. Вдруг ветер стал резко затихать, волна успокаиваться, вода перестала лететь верхом. Я боялся даже подумать, чтобы не вспугнуть раньше времени надежду на победу человека над самой стихией. «Только бы дойти, только бы дойти, дойти до берега!» — молил я про себя.

Через час мы причалили к бухте Песчаной рядом с метеостанцией. Только тогда я обнаружил, что руки мои были все в крови от полопавшихся и стертых напрочь мозолей, они дрожали как осиновые листья, от перенапряжения. Я вышел на песок и упал на него вниз головой. Эдька вытянул нос лодки и, привязав ее к коряге, подсел ко мне.

— Самое главное живые... — протянул он, и, достав из-за пазухи портсигар с папиросами, продул бумажный мундштук, смачно закурил. — Будешь?

— Давай! — сухо ответил я, зная, что мои сигареты напрочь промокли.

— Так ты ж обещал...

— Чего-о?

— Ну, ему! — и показал пальцем наверх...

— Я что, вслух молил?

— Да.

— Во дела, чего только не наговоришь со страху-то?!

— У меня там чекушка есть, кстати, можно по соточке за спасение-то? — хитро прищурившись, произнес Эдик.

— Можно и по соточке... А ведь если бы трос не порвался, нас бы перевернуло... Слава Богу, что я толще не нашел! Не дали бормашам попить...

Слухи разлетаются как мухи, в поселке Эдьке сразу дали прозвище — «Стотысячник», по оценочной стоимости мотора...